

**Заслуженный деятель Казахстана,
член Союза писателей Казахстана.
Автор поэтических сборников
«Я завидую солнцу», «Арабески
любви», «Ночные зеркала»,
«Таинства ночи» и других.
Живет в Алматы.**

Раушан БУРКИТБАЕВА

ИДЁТ КАРАВАН...

Ковыль кочевья

Ниткою рассвета стелется ковыль,
Волнами набегов встряхивая пыль.
Ночь, камчой исхлестана, затаит грозу,
В прядях поседевших горькую слезу.
Кони златогривые в ковылях плывут.
Месяц – стражник раненный падает в траву.
Откочуют тучи, следом волчий вой.
Над степным простором беркутов конвой.

Куда ушли батыры?

Куда ушли батыры?
Меч некому поднять!
Умолкнут звуки лиры –
Кого ей восхвалять?
Мужчины все мельчают;
Напыщенны, глупы,
Души не замечают
И, как кроты, слепы.
Послушны ветру, власти,
Гнут спины-ковыли,
И где былые страсти –
Давно бунчук в пыли.
И где степная гордость?
Где резвый аргамак?
Решительность и твёрдость,
Недюжинный кулак?
Легендами овеваны
Степные силачи...
Вы ж жёнами осмеяны.
Нет силы для камчи?

К 175-летию Абая Кунанбаева

Поэты подвержены скорби и травле.
Полынный ветер затеряется в травах.
Опрокинутый месяц в ковыльных космах
Отыщет мелодий затерянный космос!
Свивается с дымом песня Абая,
Над юртой заснеженной тучкой взлетая.
Дочь-степь, замирая, запомнит те строки.
Молозивом льются Жидебая истоки.
Сквозь лунный зрачок из бездонного космоса
Взирает Абай на родимые степи.
Там ветер назойливый запутался в косах
Задымленных трав, душ, закованных в цепи
Пороков, порывов, фальшивых пророков.
Печально и скорбно прослезятся вдруг тучи.
Неужто к последним приближаются срокам?
Стихи, как молитву, пусть дети заучат.
Мои соплеменники кюй плача услышат
На том конце Света, Димашем озвученным.
Очищенным воздухом земли задышат.
Идет караван, сохраняя всё лучшее!

Открытие памятника Алие Молдагуловой

Ты не была невестой иль женою,
В неполных девятнадцать ввысь ушла
И майскою победною весною
На пьедестал на Родине взошла.
Джигиты, что вернулись с поля боя,
Прижав к груди, несут тебе цветы.
Их годы не щадят, и вот из строя
Они уходят. Не уходишь ты.
Ровесница военных поколений...
Без промаха стреляла по врагу.
С родной земли, истерзанных селений
Теснила их, заметив на снегу.
Бойцов ты поднимала на атаку
И увлекала за собой вперёд.
Звенел твой голос среди стужи, мрака.
«Отан үшін!»¹ – на штурм вела ты взвод.
А позже ты читала им Джамбула
О гордости степного старика.
И согревала ночь тепло аула,
И лес дремал и сонная река.
Как сладок этот сон в кромешном аде,
И белый снег траншеи заметёт,
И весточкой в блокадном Ленинграде
Надежда в душах снова расцветёт!
Запомнит этот лес войны раскаты
И голос твой, призывный зов в ночи.
И шли в атаку юные солдаты,
И над траншеей вьются кумачи!
Вернулась ты на Родину легендой.
Увенчана геройскою звездой.
И бронзой стал загар, а локон – медным.
Под покрывалом ты пришла на той.
Невестой не пришлось стать и женою...
Но, будто бы в обряде беташар,
Лицо свое раскрыла пред толпою,
В почтении склонились млад и стар.
И прослезилось небо, тучи сдвинув.
Прозрачнее слезы твоя Кобда.
Украшив город, нас ты не покинешь.
Оберегать нас будешь ты всегда!

г. Актобе, 23.09.2005

«Снайперская»² в Петербурге

Начищенный дождём до блеска,
В сиянье спилей и церквей,
Плывёт, как золотая фреска,
Вдоль набережных в волнах невских,
Храм-город – детище царей!
И затаив восторг, дыханье,
Раскосых глаз сиянье, свет,
Смотрело юное создание,
Дитя степи, на грёз расцвет.
Та сказка проплывала чайкой,
Впиталась в душу на века.
Тебя сестрёнкой величала
Холодная ко всем река.
И ты скрывала свои слёзы
И тайны доверяла ей.
И в бой ушла, в пургу, в морозы
Из гулких улиц и теней.
– За красоту, за ветер вольный!
Стреляла метко во врага.
О, как юна, как сердцу больно,
В войне себя не сберегла.
Горюет Степь, Нева горюет.
Ей в пору деток бы рожать...
И если женщина воюет, –
Земля страдает, словно мать.
Увековечит город имя,
Запомнит подвиг твой народ.
Как песня, Алия любима,
Она в сердцах теперь живёт!

* * *

Душа – кочевница шальная...
Нас опьяняет сказкой вновь,
Решеткой ночи ограждая,
Пленит без музыки и слов.
И полон дивных ожиданий,
Джидою пахнет пыльный сад,
Где зреет горечью страданий
Пурпурный, пламенный гранат.
О вы, красавицы ночные,
Как изумрудная лоза!
Глупеют юноши хмельные,
Их манят карие глаза.
Там словно птица я летаю,
Брожу по солнечной реке.
Как свет тягучий прибываю
С жемчужной ниточкой в руке.

¹ «Отан үшін!» – «За Родину!».

² Улица Алие Молдагуловой в Санкт-Петербурге.

Расставание

Грудь юрты тепло сохраняет в ночи,
Но ветер разлуки кукушкой кричит.
Тяжелый колчан полон сумрачных грез.
Останься со мной, умоляю до слёз.
К чему тебе, милый, полуденный свет,
Когда меня рядом в седле с тобой нет.
И много ли нужно для счастья нам,
И шанс этот краткий однажды

лишь дан...

В пламени губ догорает рассвет,
И звезды, устав, гасят утренний свет.
И снова разлука кукушкой кричит,
И вновь мое сердце от боли щемит.

Шествие «Золотого воина»

Исторгнутый историей
Из чрева... Земли,
Обезображенной войной.
Как в Судный день,
Из милости иль гнева?
Ждут все признанья,
Ставши стариной!
Кипят в лабораториях догадки.
Учёные мужи зарылись в книги.
Прервав тысячелетний сон
твой сладкий,
Возведены открытия в религию.
Стеклом увеличительным согреты,
Сияют во стократ они сильнее!
Из тьмы времён поделаются секретами.
И тем дороже нам и тем родней.
Исторгнуты историей
Из древа
Кочевий с незапамятных гордынь.
Потомок корешок
Отыщет древний.
А артефакты холодны:
Остынь!
В переплетении
Судеб и дорог –
Лишь ДНК
Даёт ответ правдивый.
И «Воин Золотой» бесценен тем,
Планете всей он дорог!
Он в странствии веков продрог.
Мир объединять пришёл Огнем,
Чтоб раскурить по кругу Трубку Мира!

Великий Шёлковый путь

Забуты древние дороги,
И караваны не видны,
И нет следов былой тревоги,
Руины высятся одни.
И шум утих. И вязнет в глине
Упрямый ослик, ищет двор.
И звон серебряный в кувшине
Уходит в замерший простор.
И жизни нет в тех стенах пыльных,
Хоть жаром пышут кирпичи.
Не видно на путях рассыльных,
Не слышен свист тугой камчи.
Тепло хранит светильник древний,
Не блекнет чаш лазурных вязь.
И голосом степных поверий
Ты продолжаешь с прошлым связь.

В окнах вагона

Стояла я у перегона
В парах мазута и пыли.
Мелькала жизнь в окне вагона
Под дробный рокот колеи.
Обрывки музыкальных фраз,
Смех, лица, лица, запаха дали
Вводили в трепет и экстаз.
И мы попасть туда мечтали.
Казалось, это как в кино,
Возвышенно и романтично...
Состарился вокзал давно,
Другие взгляды и привычки.
– Подглядывать – так неприлично!
Так было раньше, а сейчас –
Добро пожаловать, свобода!
Жизнь наизнанку, напоказ.
А я стою и жду подводу,
Что увезёт в обратный путь.
Там вся семья сидит в вагоне,
От разговоров не уснуть.
Как шифр, «Шипр» папин
во флаконе.
Сквозь гору сочных беляшей
Смотрю, как из гнезда вагона,
Птенцом вытягивая шею –
Там я стою у перегона
В парах мазута и пыли.
И мчится поезд мой вдали.

В прибрежных тугаях

Весь день летел к тебе стрелой
 В поту и пыли...
 Вот искры-звёзды за луной,
 Смеясь, застыли,
 А над прохладною рекой
 Твой голос звонкий.
 И ветви гнутся над водой,
 Как стан твой тонкий.
 Звон тихий льётся, за спиной
 Коса тугая...
 И ты доверчива со мной,
 Моя родная.
 Ночь расплетёт свои мечты,
 Как твои косы.
 И звёзды тают с высоты
 Под утро в росы.
 Луна свой нежный свет нам льет,
 Всех напоила.
 И конь горячий меня ждёт,
 Грызёт удила.
 Пусть ветер снова донесёт
 Мне звон браслетов,
 Где песня нежная живёт
 В тех травах лета.

Аул

Современник мой хмур, обесточен,
ленив.
 Он привязан к стакану, дивану.
 Где кочует-ночует тот доблестный скиф?
 Безраздельно захвачен экраном.
 Прожигая бесцельно полученный дар
 И довольствуясь куцей отарой,
 Ропщет он на судьбу и ночной перегар,
 Разбавляет махоркою старой.
 За окном нудный дождь и безмолвна
жена,
 В Интернет погружаются внуки.
 И слезятся глаза. Всех разбудит весна
 И домбры говорящие звуки.

Гобелен

Не ордам кочевников сдался я в плен –
 Меня покорила твой ручной гобелен.
 И тянутся нити из ветхих времён,
 Как пыльные тропы под трепет знамён.
 Вот облачко шерсти, рукой теребя,
 Свивает степнячка, вбирая в себя,
 Нить мыслей тревожных в колючий клубок.
 Луна пусть отмерит незримый виток.
 И грустная песня, как птица, кружит,
 А конь быстроногий по полю бежит.
 И горечью слёз пропитались следы:
 «Я верю, с восходом вернёшься и ты».
 И стрелы летят через кольца веков,
 Любимые ждут у родных берегов.
 И скрыты от взоров тех встреч узелки,
 Как звёзды мерцающая в полотнах реки.

